XII 1974

8 0 4

ТУ 19—32—73

9

3

студия
ДИАФИЛЬМ

РГДБ
2015
ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН
Штурман Коноплёв
ХУДОЖНИК З.СМЕХОВ
21

У Серёжи Коноплёва на форменной рубашке две золотые полоски под якорем: штурманский шеврон. Он — штурман пионерской парусной флотилии, которую водит пионерский отряд «Варяг».

Штурманское звание заслужить не просто. Мало тут в картах разбираться и задачи решать, мало уметь управляться с компасом и парусами. Главное — надо, чтобы ребята знали: такой человек не подведёт.

И пионерский отряд «Варяг» — не простой, а морской, сводный. Вожатый в отряде не какой-нибудь восьмиклассник, а Валерий Васильевич Стронский, чемпион по стрельбе из пистолета и спортсмен-парусник.

Сегодня Серёжа Коноплёв на вахте в кают-компании отряда. Своего помощника Владика Стрельцова Серёжа отпустил: всё равно на вахте делать нечего, пусть малёк гуляет.

Скучно. Серёжа расстелил на штурманском столе карту Балтийского побережья, взял параллельную линейку. Но заниматься не хотелось.

Он вспомнил Ригу. Высокие башни с флюгерами и мачты парусных баркентин. По старинным улицам шагали к памятнику Ленину отряды, которые съехались на слёт юных моряков. 7

И Серёжа шагал впереди. Летел вдоль улиц пасмурный ветер, полоскал знамя, взмахивал флажками на трубах горнистов. И далеко разносил стук Серёжкиного барабана.

Серёжа подошёл к стеллажу и взял альбом с фотографиями рижской операции.

Вот плавбаза морклуба, на которой жили ребята.

А вот сам Серёжа — в шеренге с другими ребятами. Это утренняя линейка на палубе плавбазы.

Серёжа хорошо помнил эти ранние линейки. Погода стояла свежая, и ребята поёживались в строю. Вот и на снимке видно: Валерка Садовский втянул голову в плечи, а у Юрки Сараева лицо такое жалостливое, будто сейчас слёзы побегут. Он вообще такой—часто обижается.

Серёжа усмехнулся и на Юркиных щеках нарисовал слезинки.

Он тут же испугался. — «Что это я, с ума сошёл? Испортил зачем-то...» Он сразу же вспомнил, что снимок этот единственный, негатив не сохранился. Ребята любят полистать альбом, особенно новички. Сегодня же увидят, как Серёжка разукрасил фотографию.

А потом всё случилось быстро, будто во сне. Новый вахтенный стал искать список дежурств, начал перетряхивать альбом, увидел испорченную фотографию, позвонил Валерию и собрал ребят.

Командир явился в кают-компанию, сказал привычную фразу: «С такой жизнью не соскучишься!» и спросил у пионеров, кто испортил альбом. Отряд молчал.

—Люди,—сказал Валерий уже встревоженно.—Вы что? Ну, сделал кто-то глупость, так пусть уж скажет. Ну нельзя же так, это уже и трусость, и обман. Ведь мы же никогда не врали друг другу.

Самое простое дело было встать и сказать: «Я». Ну отругали бы, и всё. Но Серёжку будто верёвками привязали к стулу.

—Ну, что ж, есть простой выход,—предлагает командир.— Поднимите руку, кто даёт честное пионерское, что фотографию не портил?

С облегчением (действительно, как всё просто!) вскинули ребята руки.

Поднял руку и Серёжа. Он думает: «Всё равно никто не знает. А раз не знает, этого будто и не было. Ну что хорошего случится, если признаюсь? Ведь снимок лучше не станет, значит, всё равно пользы никакой никому. А я с этих пор никогда-никогда врать не буду и дурацких вещей таких делать не буду тоже...»

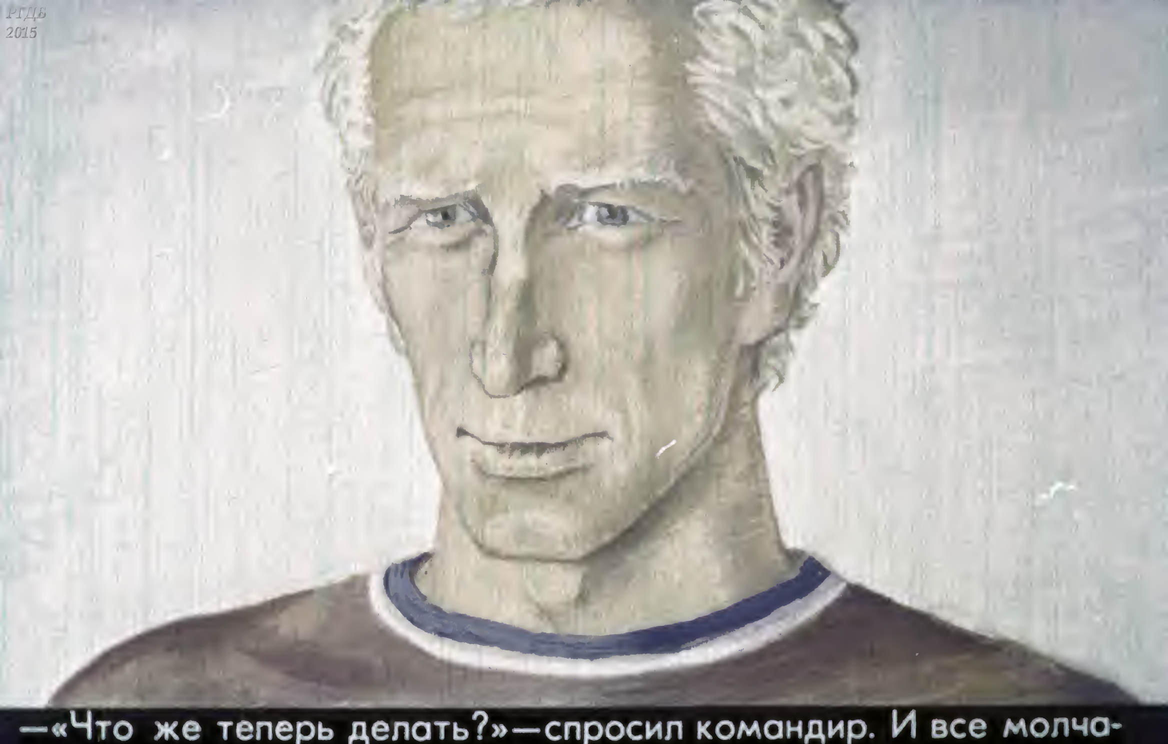
Потом он увидел очень удивлённые, обиженные какие-то глаза Владьки Стрельцова и услышал: «Ну зачем ты? Я же у окна стоял, я же видел. Зачем ты так врёшь?».

Ух, как тихо и тошно стало кругом!.. И в этой тишине командир хмуро сказал: «Встань... штурман Коноплёв! Рассказывай».

Он рассказал сбивчиво, но подробно. И снова стало тихо и пусто вокруг.

—«Что же теперь делать?»—спросил командир. И все молчали. Было ясно, что в словах Валерия не один, а два вопроса. Во-первых, что делать вообще? Во-вторых, что делать с Коноплёвым?—«Так что с тобой делать, штурман Коноплёв?»

Вот если бы заплакать сейчас, сказать, что больше не будет никогда-никогда... Но заплакать было почему-то нельзя. И, отвечая на прямой безжалостный вопрос, он одними губами сказал: «Выгнать из пионеров и из флотилии».

И в этот момент все пожалели Серёжку. Всё-таки, сами понимаете, у каждого сердце не камень. Четыре года он был вместе со всеми. Шагал по горам,

спал у костров,

строил яхты и пел отрядные песни.

—Всё-таки жалко же,—сказал Вовка Голосов и стал смотреть в угол.—С ума, что ли, вы посходили?

—Пусть просто так уйдёт из отряда. Не надо его ниоткуда исключать. Мы никому ничего не скажем. И в школе никто не узнает. Будет он в отряде шестого «а», запишется в какой-нибудь кружок... И будет вроде как все люди.

—«Пусть решает сам»,—твёрдо сказала Ольга Сватова.—«А галстук?»—спросил дотошный Павлик Локтев.—«Тоже... Сам пусть решает».

Все ребята разбежались кто куда. Будто сразу про него забыли. На улице стояла солнечная знойная тишина. И снова подумалось Серёже, что, может быть, ничего не случилось. Но это был секундный обман. Серёжа ушел с солнцепёка за угол, за кусты черёмухи, и, моргая, стал развязывать галстук.

И с тех пор он живёт вроде бы как все. Даже часто забывает о том, что с ним случилось. Лишь на линейках ему становится неловко и грустно, когда весь отряд отдаёт салют. Рука сама рвётся вверх, когда звенит команда: «Флаг пошёл».

Однажды на рассвете в среду—день торжественной линейки—озеро вздыбилось крутыми гребешками, застонали телеграфные провода. А если так поют провода, тросы, значит, ветер не меньше семи баллов.

Когда вахтенный Владик Стрельцов прибежал к мачте, чтобы поднять флаг, мачта поскрипывала, а фанерный кораблик на её верхушке взад-вперёд ходил в синем небе, словно его мотали тяжёлые волны. Вахтенный схватил верёвку,

но ветер вырвал верёвку из рук, и флаг упал к ногам Владика. Ветер обрадованно взвыл. Владик тоже чуть не взвыл, потому что через полчаса должны были собраться ребята.

Какая же может быть линейка без поднятого флага?! Пришли ребята с Валерием. — «При такой жизни не соскучишься», — говорит вожатый. Сильный ветер гнёт мачту, как тростинку.

Миша Данько пытается залезть на мачту. Было видно, как на тонких Мишкиных руках и ногах натянулись под коричневой кожей мышцы и сухожилия. Он отчаянно стискивал скользкое дерево коленями. Но хватило его только на три метра.

И тут к мачте подбежал Серёжа Коноплёв. Он весь в коричневой пыли.—«Я кирпичом руки натёр, чтобы не скользили. Я попробую подняться на мачту».

То место, на котором выдохся Мишка, Серёжка преодолел шутя. А дальше становится тяжелее. И главное, мешает страх: мачта гнётся и потрескивает, воет ветер. Всё-таки Серёжа делал всё, что мог.

Он выматывал остатки сил на эти отчаянные сантиметры, он почти плакал, стараясь дотянуться до перекладины. Было бы неправдой сказать, что он не думал сейчас о галстуке!

Но знал Серёжа и другое: если бы галстук был на нём, он, штурман Коноплёв, всё равно дрался бы за эту высоту. Потому что самое главное было сейчас — флаг отряда. У него сорвалась рука. Он перехватил мачту покрепче, всем телом прижался к гибкому стволу.

— «Спускайся!» — крикнул Валерий. — «Я ещё немножко. Я сейчас», — хотел ответить Серёжа, но в зубах у него была зажата верёвка.

Он поднялся, продёрнул верёвку через блок

и соскользнул вниз. «Ну вот и всё»,—тихо сказал Серёжа...

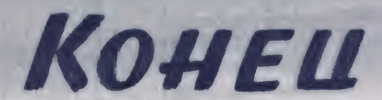
Командир позвал Серёжу и сказал: «Возьми на вахте свой барабан. Валерий спит и видит, как бы от него избавиться. Замучился совсем».

Потом он хмуро оглядел Коноплёва с ног до головы: «На кого ты похож... Приведи себя в порядок. И чтоб галстук глаженный был, как полагается».

И потом, видя Серёжкины глаза, в которых разгорались счастливые искорки, он перешёл на вежливо-ироничный тон: «И вообще, штурман Коноплёв, потрудитесь привести в порядок вашу форму...“

Сценарий Г. АНТИПОВОЙ
Редактор Н. МАРТЫНОВА
Художественный редактор
А. МОРОЗОВ

Студия „Диафильм"
Госкино СССР, 1974 г.
101000, Москва, Центр,
Старосадский пер., д. № 7
Цветной 0-30
Д 257-74